

Делать мне было нечего, поэтому я пошел с ним в ванную, чтобы перекинуться парой слов пока он будет бриться. В ванной, кроме нас, никого не было потому, что все были на игре. Было ужасно жарко и все окна запотели. Возле стены стояло около десяти раковин. Раковина Стрэдлейтера была посередине. Я сел на соседнюю раковину и стал открывать и закрывать кран с холодной водой... вот такая у меня дурацкая привычка. Стрэдлейтер насвистывал «Индийскую Песню» пока брился. У него был очень пронзительный свист безо всякой тональности и он всегда брался насвистывать песенку, которую сложно насвистывать даже если ты самый лучший свистун в мире. «Индийскую песню», например, или «Убийство на Десятой Авеню». Он всегда портил песню.

Помните, я говорил, что Экли был неряхой в том, что касается личной гигиены? Так вот, таким же неряхой был и Стрэдлейтер, но немного в другой степени. Стрэдлейтер был, скорее, тайным неряхой. Он всегда хорошо выглядел, но видели бы вы, например, его бритву. Она всегда была невероятно ржавая, и на ней были кусочки кожи, волоски и прочая хрень. Он никогда не чистил ее. Он всегда выглядел хорошо, когда заканчивал приводить себя в порядок, но он был скрытым неряхой, и вам бы это было прекрасно известно, если бы вы знали его так, как я. Причиной, по которой он приводил себя в порядок, чтобы хорошо выглядеть, являлось то, что он был невероятно влюблен в себя. Он считал себя самым симпатичным парнем в западном Хэмпшире. В общем, он был довольно симпатичный. Я признаю это. Но он был из тех парней, которых увидев в школьном альбоме ваши родители спрашивают: «Что это за парень?» Я имею в виду, что его красота больше подходила для школьного альбома. Я знал кучу парней в Пэнси, которые были намного симпатичнее Стрэдлейтера, но не были бы такими в школьном альбоме. На фото у них был бы большой нос или торчали бы уши. Я часто наблюдал такое.

Короче, я сидел на раковине рядом со Стрэдлейтером и открывал и закрывал кран с холодной водой. На мне все еще была моя красная шапка с перевернутым назад козырьком. Мне она действительно очень нравилась.

- Эй, - сказал Стрэдлейтер. - Сделаешь мне одолжение?

- А что? - спросил я. Большого энтузиазма в этом вопросе не было. Он всегда просил сделать ему одолжение. Ты дружишь с симпатичным парнем, который думает, что он крутой, и он всегда просит тебя сделать ему одолжение. От того, что они просто без ума от себя, они думают, что и ты тоже без ума от них и умираешь от желания сделать им одолжение. В какой-то степени это даже смешно.

- Ты идешь куда-нибудь сегодня вечером? - спросил он.

- Может быть. А может быть, и нет. Я не знаю. А что?

- Мне нужно прочитать сто страниц по истории к понеделнику, - сказал он. - Напишешь мне сочинение по английскому? Я прошу потому, что мне вставят ужасный выговор, если я не напишу его к понеделнику. Ну, так как?

Ничего более ироничного я не видел. Честное слово.

- Меня вышвырнули из этого дурацкого заведения, а ты просишь меня написать тебе это чертово сочинение, - ответил я.

- Да, я знаю, но что поделаешь. Я получу выговор, если не напишу его. Будь другом, ладно?

Я не ответил сразу. Неопределенность иногда полезна таким ублюдкам, как Стрэдлейтер.

- На какую тему? – спросил я.

- На любую. Надо что-нибудь описать. Комнату, дом, событие, которое ты однажды пережил, ну что-нибудь. Ты же знаешь. На столько, на сколько получится, - он сильно зевал, говоря это. Ненавижу, когда кто-нибудь зевает, прося сделать ему одолжение. – Но только, чтоб не получилось слишком хорошо, - продолжал он. - Этот сукин сын Хартцел думает, что ты отлично пишешь по английскому, и он знает, что ты – мой сосед по комнате. Я имею в виду, не нужно ставить запятые там, где надо.

Это тоже ударило по моему самолюбию: ты отлично пишешь сочинения, а кто-то начинает говорить про запятые. Ненавижу. Стрэдлейтер делал это постоянно. Он хотел, чтобы вы думали, что единственная причина, по которой он плохо пишет сочинения, состоит в том, что он не там ставит запятые. В этом он был чем-то похож на Экли. Однажды я сидел на баскетболе рядом с Экли. В нашей команде был просто ужасно классный игрок, Хоуи Койли, который мог попасть в кольцо с середины поля, не задев бортиков. И всю игру Экли повторял, что Койли идеально сложен для баскетбола. Боже, как я ненавижу такие вещи.

Через какое-то время мне надоело сидеть на раковине, поэтому я отошел на несколько шагов и стал выделывать чечетку. Я начал танцевать просто так, чтобы развеселить себя. На самом деле, я не умею танцевать чечетку, но в ванной был кафельный пол, а это то, что нужно для чечетки. Я стал пародировать танцоров из фильмов. Актеров мюзиклов. Я ненавижу фильмы, как хину, но мне ужасно нравится их пародировать. Старичок Стрэдлейтер наблюдал за мной в зеркало, пока брился. Все что мне нужно – это публика. Я – хренов экзобионист.

- Я сын президента, черт возьми, - сказал я. Я старался как мог, выделывая чечетку по всей ванной. – Он не хочет, чтобы я танцевал чечетку. Он хочет, чтобы я поехал учиться в Оксфорд. Но я рожден, чтобы танцевать эту чертову чечетку.

Стрэдлейтер рассмеялся. У него было неплохое чувство юмора.

- Сегодня премьера «Обозрения Зигфилда», - я запыхался. Фактически, я вообще не мог дышать. – Главный актер не может продолжить выступление. Он пьян, как свинья. И кого же они возьмут на его место? Меня, конечно. Маленького, смазливового сына президента, черт возьми.

- Где ты достал эту шапку? – спросил Стрэдлейтер. Он имел в виду мою охотничью шапку, которую до этого не заметил. Так как я в любом случае запыхался, я остановился и перестал дурачиться. Я снял шапку и посмотрел на нее в сотый раз.

- Купил сегодня утром в Нью-Йорке. Всего за один бакс. Нравиться?

- Круто, - сказал он. Впрочем, он просто льстил мне, потому что тут же спросил: - Послушай, ты напишешь мне сочинение или нет? Я должен знать.

- Если у меня будет время, напишу, если нет, то нет, - ответил я, снова садясь на раковину. – С кем ты встречаешься? Фитцджеральд?

- Боже, нет! Я же говорил тебе, что расстался с этой свиньей.

- Да? Ну, так отдай ее мне, парень. Кроме шуток. Она мой тип.

- Забирай. Она слишком стара для тебя.

Внезапно, безо всяких причин, кроме той, что мне была охота подурачиться, я почувствовал непреодолимое желание спрыгнуть с раковины, запрыгнуть Стрэдлейтеру на спину и схватить его за горло. Так я и сделал. Я приземлился на него, как пантера, черт возьми.

- Холден, Боже, прекрати! – завопил Стрэдлейтер. Он совсем не хотел дурачиться. Он брился и все такое. – Ты хочешь, чтобы я перерезал себе глотку?!

Я его не отпустил, а держал я его довольно крепко.

- Освободись из моих тисков, - сказал я.

- Гос-по-ди Боже! – он положил бритву, внезапно дернул руками и освободился от моего захвата. Он был сильным парнем. А я слабый. – А теперь прекрати, - сказал он, снова начиная бриться своей грязной бритвой, чтобы великолепно выглядеть.

- Так с кем ты встречаешься, если не с Фитцджеральд? – спросил я, снова садясь на раковину. – Это милашка Филис Смит?

- Нет. Я должен был встретиться с ней, но что-то не получилось. Я встречаюсь с соседкой по комнате девушки Бада Тауа. Эй, чуть не забыл: она знает тебя.

- Кто?

- Моя девушка.

- Да? – сказал я. – Как ее зовут? – мне было жутко интересно.

- Дай вспомнить... ээээ... Джин Галахер.

Боже, я чуть не умер, когда он сказал это.

- Джейн Галахер – сказал я. Я даже встал с раковины, когда он произнес ее имя. Я чуть не умер, блин. – Ты, черт возьми, прав. Я знаю ее. Она, можно сказать, была моей соседкой позапрошлым летом. У нее еще есть доberman пинчер. Именно из-за него мы и познакомились. Ее собака часто забегала на нашу...

- Господи, Холден, ты закрываешь мне свет, - сказал Стрэдлейтер. – Отойди.

Боже, меня переполняли эмоции. На самом деле.

- Где она – спросил я. – Я должен спуститься и хотя бы сказать ей «привет». Где она? В Анексе?

- Ага

- Как так получилось, что она рассказала обо мне? Она учится в колледже Би Эм? Она сказала, что, скорее всего, поедет в Шипли. Я думал, она туда и поехала. Как так получилось, что она рассказала обо мне? – моему возбуждению действительно не было предела.

- Боже, я не знаю. Встань, ладно? Ты сидишь на моем полотенце, - ответил Стрэдлейтер. Да, я действительно сидел на его дурацком полотенце.

- Джейн Галахер, - повторил я. Я не мог успокоиться. – Боже ж ты мой.

Старик Стрэдлейтер наносил на волосы гель. Мой гель.

- Она танцовщица. – сказал я. – Балерина. Она занималась по два часа в день, в самую жару. Она боялась, что из-за этих занятий у не будут некрасивые ноги. Толстые и все такое. Мы постоянно играли в шашки.

- Во что вы постоянно играли?

- В шашки.

- Боже мой, шашки!

- Ага. Она никогда не ходила дамками. Когда ее шашка становилась дамкой, она ей не ходила. Она оставляла их на заднем ряду. Никогда не играла ими. Ей нравился их вид, когда они стояли в заднем ряду.

Стрэдлейтер ничего не ответил. Такие вещи мало кого интересуют.

- Ее мать состояла в том же клубе, что и моя, - сказал я. - Я подрабатывал там мальчиком, подносящим мячи для гольфа. И я подносил мячи ее матери пару раз. Она набирала около ста семидесяти очков в девяти лунках.

Стрэдлейтер даже не слушал. Он расчесывался.

- Я должен спуститься и сказать ей хотя бы «привет», - продолжал я.

- Так че ты не идешь?

- Сейчас пойду.

Он начал делать пробор. Он укладывал свои волосы около часа.

- Ее отец с матерью были разведены. Ее мать потом снова вышла замуж за какого-то пьяницу, - сказал я. - За худого парня с волосатыми ногами. Я помню его. Он всегда носил шорты. Джейн говорила, что он был драматургом или кем-то там еще, но лично я видел его все время с бутылкой в руках, слушающего каждую идиотскую мистическую передачу по радио. А еще бегающего голиком вокруг дома. А Джейн в это время гуляла рядом.

- Да? – сказал Стрэдлейтер. Эта часть моего рассказа по-настоящему заинтересовала его. То, что пьяница бегал голый вокруг дома, а Джейн гуляла рядом. Стрэдлейтер был просто помешан на сексе.

- У нее было ужасное детство. На самом деле.

Впрочем, это Стрэдлейтера уже не интересовало. Его интересовало только то, где был замешан секс.

- Джейн Галахер, Боже, - она все не выходила у меня из головы. Никак не выходила. – Я должен спуститься вниз и сказать ей «привет».

- Ну, так иди и скажи вместо того, чтобы болтать, - сказал Стрэдлейтер.

Я подошел к окну, но из него ничего не было видно.

- Сейчас не хочу – ответил я, и это было правдой. Для таких вещей должно быть настроение. – Я думал, она поехала в Шипли. Я готов был поспорить, что она поехала в Шипли, - я прошелся

по ванной: больше делать мне было нечего. – Ей понравилась игра?

- Да, наверное. Не знаю.

- Она говорила, что мы постоянно играли в шашки?

- Не знаю. Господи, я только встретил ее, - ответил Стрэдлейтер. Он закончил причесывать свои великолепные волосы. Теперь он убирал свои мерзкие принадлежности туалета.

- Слушай, передай ей от меня привет. Ладно?

- Ладно, - ответил Стрэдлейтер, но я почти наверняка знал, что он этого не сделает. Такие парни, как Стрэдлейтер никогда не передают приветов.

Он ушел обратно в комнату, а я еще немного посидел в ванной, думая о Джейн. Потом я тоже вернулся в комнату.

Когда я вошел, Стрэдлейтер Завязывал галстук, стоя перед зеркалом. Он проводил перед ним пол своей чертовой жизни. Я уселся в кресло и какое-то время наблюдал за ним.

- Эй, - сказал я, наконец, - не говори ей, что я так себя вел. Ладно?

- Ладно.

Это была хорошая сторона Стрэдлейтера: ему не надо было ничего объяснять, как Экли. Я так думаю, в основном потому, что ему было все равно. Да, именно поэтому. А Экли, тот был другой. Экли был занудным ублюдком.

Стрэдлейтер надел мою куртку.

- Боже, только не растяни ее, - сказал я. Я сказал это дважды.

- Не растяну. Где, блин, мои сигареты?

- На столе, - он никогда не знал, где у него лежат вещи. – Под шарфом, - он положил их в карман куртки. Моей куртки.

Для разнообразия я перевернул козырек моей шапки вперед. Я вдруг стал нервничать. Я вообще довольно нервный человек.

- Слушай, куда вы пойдете? – спросил я. – Уже знаешь?

- Нет. Наверное, поедem в Нью-Йорк, если будет время. Боже, она гуляет только до девяти тридцати.

Мне не понравилось как он это сказал, поэтому я ответил:

- Она просто не знает какой ты на самом деле симпатичный и очаровательный ублюдок. Если бы она знала это, она бы осталась с тобой до девяти тридцати утра.

- Точно, черт возьми, - ответил Стрэдлейтер. Его было не просто вывести из себя. Он был слишком самоуверен. – Ладно, кроме шуток, напишешь мне сочинение? – Он надел пальто и уже готов был отчалить. – Не стоит слишком уж стараться, просто сделай хорошее описание и все. Ладно?

Я не ответил. Просто не хотел. Я только сказал:

- Спроси, оставляет ли она еще дамки на заднем ряду.

- Спрошу, - ответил Стрэдлейтер, но я знал, что он не сделает этого. - Ну, ладно, пока, - он так сильно хлопнул дверью, что посыпалась штукатурка.

После его ухода я просидел в кресле около получаса. Я просто сидел и ничего не делал. Я все думал о Джейн и о том, что у Стрэдлейтера с ней свидание. Я так нервничал из-за этого, что чуть не сошел с ума. Я же уже говорил, что Стрэдлейтер был ужасно озабоченным парнем.

Вдруг, откуда ни возьмись, в комнату снова ввалился Экли, и снова через чертову душевую, как обычно. И знаете, единственный раз за всю мою никчемную жизнь я был рад видеть его. Он меня немного отвлек от моих мыслей.

Он ошивался у нас до ужина, разговаривая о всех парнях в Пенси, которых он ненавидел, и ковыряя огромный прыщ у себя на подбородке. Он даже не пользовался платком. Если хотите, я вообще не уверен, что у этого ублюдка был платок. По крайней мере, я никогда не видел у него ничего подобного.

<http://tl.rulate.ru/book/86611/2779222>